

Палата номер один – она для старших офицеров. Номер два – для офицеров. Три и четыре – для прапорщиков и других. В первую ещё могут попасть милиционеры и герои. Вне зависимости от званий и прочего. Такие палаты есть в каждом госпитале и практически в каждом отделении. Во всяком случае были.

Они просты в своем убранстве: четыре-пять старых, ушатанных, скрипящих и плачущих коек, видевших и переживших, наслушавшихся и впитавших; потолки в недоступных трещинах и грязной махровой паутине; стены покрытые двадцатым или тридцатым слоем масляной (светлой или серой) краски, с системой труб и вентиляей, о назначении которых забыло старое и не желающее знать новое начальство, с обязательной картиной советского периода, как правило – дорогой петляющей в рыжей пшенице или зелёный лес с забытыми родителями медвежатами; стулья; тумбочки; качающийся из стороны в сторону стол; графин; два-три стакана; подаренный кем-то, чтобы не выбрасывать, книжный шкаф, наполненный такими же ненужными кому-то книгами и с барского плеча оставленный чёрно-белый «Шиляллис»; умывальник; зеркало, переживавшее на своем веку столько рож и зубов, что противно вспомнить.

Вроде всё.

Где-то лучше, где-то хуже, но в принципе эти палаты одинаковы. Везде. Есть, конечно, и вип-палаты, с гостиными и душем, но это уже для космонавтов, которых здесь никто не видел и не увидит. Это для высшего командного состава. Или ключевых офицеров – маленьких по званию, но могущие «решать вопросы» – нужные. В зависимости от устремлений и карьерного прицела командования.

Палата пустовала редко. Всегда находился тот, кто стремился заполнить её рабочий холодный вакуум. Тот, кто: давил матрац, скрипел стульями, звенел стаканами, храпом или стоном пугал ночную тишину. А кровати, застывшие замученными военными перед парадом, равнялись. Своим молчаливым, медицинским убранством, вымученной простотой проштампованных пододеяльников, застывшими ушами остроконечных подушек. Ждали своих и чужих. Девками на выданье. Ждущими. Новых и старых. Молодых и постоянных.

Это с виду они все одинаковые. Но это не так... У одной вместо матраца доски. Другая и третья – центральные. У той расшатаны ножки. А об эту всегда цепляется штативом для капельниц медсестра. У каждой, свой характер и свой нор...

А ещё есть счастливые... и не очень.

Те, что вынуждены были бывать тут больше двух раз в году, старались занимать средние койки – очень удобно для медсестры, и справа подойти может, и слева. А крайние... Приходилось всё время менять положение: голова-ноги. И наоборот.

Койка у окна была холодной. Не смотря на заклеенные белой бумагой щели, все время откуда-то поддувало. Но она была счастливой, выписной. И к ней давали второе, серое и колючее одеяло. С этой койки уходили здоровыми. Ну, как правило. Во всяком случае, количество погружений и всплытий всегда были со знаком равно. Ну, практически. А ещё с неё было видно облака... Не надо было вставать, опираться на подоконник: надо только открыть глаза... И всё... А над головой, на стене, была коробочка. С кнопками, тумблерами. На всякий случай. Вызвать врача. Или медсестру. Но она давно не работала... Видимо, убрать рука не поднималась, так краской и закрасили... Вместе со стеной... Чтобы не выделялась... Всё буднично. Обычная кровать.

И потому её занял давний и знающий, где-то привыкший к ней или полюбивший, а свободной была кровать по соседству. Удобная. Не занятая. Ждущая нетерпеливым скрипом расправленных пружин.

Её обитатель ворвался героем. Сильным, здоровым, жмущим крепкой рукой. Заражающим ве-сельем. Со шлейфом врачей и медсестер. На столе появились фрукты, заменилась вода в графине, добавились стаканы.

Вечером, когда всё утихло и из персонала осталась медсестра и санитарка, из сумки выскочил дорогой коньяк и закуска – прописка. Люди приходят и уходят, а обычаи должны оставаться и пере-даваться от поколения к поколению. Так заведено – не он придумал, не ему отменять.

Тогда и вовремя и знакомятся. Хотя уже все знали за нового обитателя: Герой России, который здесь на медкомиссии перед новой должностью.

И он, словно извиняясь за отобранную у кого-то кому-то нужную койку, по-простецки разливал живительный янтарь по стаканам. Парень оказался нормальным и почти без закидонов. Будущий генерал, воевавший на Кавказе.

На бульки из бутылки появился тоже. Воевавший. Замечательный рубаха-парень. Бывший дру-гом всех. Всё знающий. Везде участвующий. Через полчаса за столом стало ясно, что именно он победил, тогда в Чечне. И что только по нелепой случайности Героя получил не он. Так бывает. К этому привыкли те, кто был и знает. А слушатели, они как губка впитывали за геройского парня, одобрительно кивающего головой Героя и потому подготовленные, и разогретые, ухмыляясь одо-брили, когда он пошёл в атаку на лежащего у окна:

– Кто-то воевал, а кто-то в Ханкале ордена и медали получал!

Знакомы были. И вместе служили. Только один в Ханкале, а другой на Катояме. Один в пыли, второй на БТРе. Один в штабе, а второй везде.

Герой не дал вспыхнуть рукопашной. Да, впрочем, у лежащего у окна не было ни сил, ни желания вступать в перепалку. Только и произнёс:

– Ты не прав.

И лёг, завернувшись в одеяло, как в защитный кокон. От пьяных разборок и обид.

А остальные промолчали, но сделали вывод. О том, кто лежал у окна. Простой и противный: кто-то воевал, а... Скользкий и нехороший. Отложилось на дальней стенке стакана.

Герой прошёл обследование и такой же весёлый и бодрый, в окружении накинутых на плечи халатов покинул палату.

Появился он через год. Такой же веселый. Почти. С таким же окружением. Поздоровался со все-ми. Удивился лежащему у окна:

– Ты что не выписывался?! – и лёг на соседнюю поджидавшую его уже знакомую койку. Молча достал книгу, положил на тумбочку и спрятался от неё под одеяло.

Каждый день его куда-то водили, что-то кололи, куда-то звали...

А ему уже было не радостно. Даже ночью он прятался от мира за одеялом. А если и выгля-дывал, то звёзды его глаз заливали грустью палату. Лежал и молча выли небу, скрывающемуся за окном.

Днём приезжала жена. Милая и приятная. И все уходили из палаты. У всех находились свои дела. Даже тот, кто лежал у окна, по стеночке тихо выскальзывал в коридор. Так принято. А потом она

уходила. Её улыбок хватало как раз до забора госпиталя. А потом заливалась слезами. Рыдала белой. До дома. До ночи. До утра.

А тот, который лежал у окна, сидя на лавочке провожал её взглядом. Почти всегда. А однажды она без сил села рядом и, вытирая слезы, долго молчала. Обо всем. И ушла...

– Герой! Пойдем покурим на море!

– Так ты же не куришь!

– Пошли! – засмеялся, тот, который лежал у окна. – Воздухом хоть подышим.

Море встретило шипением – насмотрелось! Придут, камнями закидают, янтарь соберут, наговорят всякой ерунды и уйдут. Тут залаешь!

– Дальше не пойду. А то не смогу вернуться. Сил не хватит.

– Ой да ладно придуряться! Молодой совсем!

– Ага... Не смотри, что оболочка хорошая... Ливер в никуда. Это вам, Героям хорошо...

– А что ты знаешь о героях?!

– Ну, не много... Знаю, что кричишь по ночам. Рвёшь подушку зубами. Знаю, что таблетки выбрасываешь. Лечиться не хочешь. Считаешь, что отлетелся ты совсем на этом свете...

– Ты чего несёшь! Откуда ты это взял?!

– Да оттуда же... из слёз твоей жены!

– Что! Разболтала?!

– Да нет, насмотрелся... Знаешь, понимаю тебя!

– Да ни хрена ты не понимаешь!

– Понятно. Считаешь – мент. Отсиделся в штабе. А теперь отдыхает в госпитале на казенных харчах. Переубеждать не буду. Как считаешь, так и считай. Могу, конечно, рвануть рубаху на груди, могу назвать пару другую имён, которые расскажут тебе чем занимался в тех краях, где ты заработал звезду Героя. Это не главное. И это неправильно. Не расскажу. Во всяком случае, сейчас.

– Да ладно! С тобой-то всё ясно! Приехал в Ханкалу. Посидел. Нарисовал медальку себе. Коллега твой всё про тебя рассказал, чем ты занимался.

– Ну, раз рассказал, значит так и было. Не в том возрасте, чтобы, как в детском саду, меряться, знаешь чем. У каждого своя война. И мне и говорить не хочется о прошлом.

– А ты расскажи! Намекни о своих подвигах!

– Намекнуть? Помнишь, ты со своими, ребят в Октябрьском районе вытаскивал из окружения?

– Как не помнить пацанов!? Они же герои! Они же почти сутки бились вчетвером! Мы их тоже не сразу смогли отбить... А что ты о них вспомнил?

– А кто они были, помнишь?

– Да вроде разведчики! Уже и не помню...

– Ты тогда сказал: «Вы что камнями отбивались, что ли?».

– Не понял...

– А потом... Месяца через три... Помнишь дом в Чири-Юрте... недостроенный... С краю самого... на развилке...

– А чего не помнить! Мои бойцы вытаскивали... Четверых...

– Ты ещё тогда смеялся: «Балтийский легион»... за надпись на стене... Ещё нужно намекать? Про Шали, где ты был комендантом!? Про блок-пост под Ялхой-Мокх, где ты учил молодого и зелёного мента пить спирт?

– А я тебя не помню!...

– Да и я тебя после всех контузий с трудом вспомнил... Так... Картинки... А ходить и говорить научился совсем недавно...

– Подожди! А этот... коллега твой... он же сказал, что ты всё время в Ханкале просидел... Слушай! Да ты тогда весь закопчённый был... как негр...

– Да и был в Ханкале... Просто у каждого своя работа... Кто-то супермен, а кто-то муравьём, по-тихому, там, где прикажут...

– Ты прости! Не знал. Не вспомнил...

– Брось! Это не главное... Я и сейчас-то здоровее вас всех вместе взятых... За тебя... Совсем всё плохо?!

– Да... Год, два от силы...

– Бывает... И теперь ты решил всех достать своей печалькой?!

– Ты это... не заговаривайся...

– Знаешь... Жизнь – штука непонятная и сложная... Здоровье сегодня есть, завтра – нет. Пошли ты всё и живи сегодня... Раз знаешь, когда – ты счастливый человек...

– И в чём счастье?!

– В том, что знаешь... Слушай! Что я тебе объясняю, когда ты сам лучше меня знаешь... Вопрос уже не в тебе... Когда лежал бревном, многое передумал... А выбрался на одной злости... Хотя уже был готов... И жена ушла, и знакомые... Разбитые печалькой... Осталось с десятков друзей... Они и злили... чтобы жил. И ещё поживу!!! А тебе, что морду набить, чтобы окружающим стало легче?

– Уж очень ты борзый, как я посмотрю...

– Ты знаешь зачем я ложусь в этот госпиталь?

– Лечится!

– Не угадал. Часики... – они уже стучат в обратном направлении. Громче и настойчивей. Рано или поздно мы все уйдем под заработанные три выстрела над головой. И вопрос как... Если дома, вынося всем мозги, забросив лекарства – останется недосказанность... Они же всю свою оставшуюся жизнь будут себя считать виноватыми: «Могли, но не настояли! Ведь такой молодой! Мог бы ещё пожить» ... Ты уйдешь, а им сколько это носить в себе?! Ты это подумал? Так сделай, чтобы они думали, что ты прожил месяц-два ещё только благодаря им. И они выполнили свой долг перед тобой на все сто процентов... Не оставляй им после себя чувство вины...

– Ты, вижу, меня уже похоронил...

– А ты умри и родись снова...

– Это как!?

– Как тяжело с вами, военными... Умри! Оставь свою болезнь там, за той чертой! И начни всё с нуля! Ну, тяжело будет... Поначалу... а потом привыкнешь...

– Ты где этому набрался?!

– Не бери в голову, учителя хорошие были...

А кто и кому помогал подняться по крутому, осыпающемуся потоками песка склону, сказать сложно...

А после, свою жену Герой провожал до самых границ госпиталя, ловя каждую капельку счастья её слез...

Через неделю он выписался. С удобной койки... Попрощавшись... Как положено... Традиции нарушать нельзя...

А ещё через неделю с пакетом фруктов и бутылочкой коньяка припёрся наведать... Того, что лежал у окна...

Кровать встретила холодным, грязным матрацем и подушкой в бурых разводах и пятнах... Обнажённая, бьющая по нервам прошлыми болями и страданиями, от белоснежного и защитного, призывного и гордого, проштампованного убранства...

– А где? Этот!

Медсестра посмотрела на него:

– Выписали его...

– Слушай! А нельзя посмотреть где он живет... Что-то не успели обменяться координатами... Забежать к нему хочу...

– Забежать?... Не скажу даже!..

– Да ладно! Гляньте в историю!

А подошедший доктор, положив руку на плечо, тихо так... Обронил...

– Она не скажет...

– Да почему?

– Выписали его.., уже навсегда...

Того, кто отсиживался в Ханкале и рисовал себе медальку...

Того, кто лежал на счастливой койке, у окна... С видом на облака...

В палате номер один...